

3 ЯНВ 1980

Писатели Черноземья

ЕГО ДЖОМОЛУНГМА

В Центрально-Черноземном крае живет и трудится большая отряд советских писателей. «Тамбовская правда» намерена познакомить в текущем году своих читателей с творчеством Г. Троепольского, Ю. Гончарова, В. Кораблинова, В. Гордейчева, М. Подобедова, Ю. Люфанова, Ф. Волохоза, О. Креговой, И. Елегечева, В. Зорина и других прозаиков и поэтов.

Сегодня мы печатаем творческий портрет лауреата Государственной премии РСФСР имени М. Горького Евгения Носова.

Однажды Евгений Иванович Носов спросил меня:

— Ты очень спешишь кой Старый Оскол?

— Нет, а что?

— Тогда садись и почитай вслух. Ты будешь читать, но не как пономарь, а с чувством, с толком, расстановкой. Ты будешь читать, а я слушать...

Он подал мне свою рукопись, приготовленную к отсылке в журнал «Наш современник». То была повесть «Не имей десять рублей...» И то был 1973 год.

Носов подошел к окну, открыл форточку и собрался слушать... свою повесть.

«Без пятнадцати четвери, — начал я, — раздался долгий, настойчивый звонок. Федор Андреевич, вчера поздно улегшийся, капризно, по-мальчишески, натянул на голову одеяло...»

— Подожди, — прервал он, — натянул на голову... На, на... — Подумал, подумал и сказал: — Впрочем, ничего — «на» двоекратное не мешает здесь воспринять целостный образ. — Давай дальше!

Чтение продолжалось несколько часов, нередко прерываемое категоричным:

— Стоп!

Он удалялся от окна и мерил широкими шагами свой домашний кабинет.

— Стоп! — повторял он. — А ну еще эту фразу!

Я повторял фразу, а он прислушивался к ней, как дирижер к оркестру.

— Одно слово не то, — говорил он.

Слово так просто не находилось. Он хмурил брови, ходил из угла в угол — не находилось!

— А ты не подскажешь? — спросил он.

— Нет, — отвечал я. — Автору легче найти, чем постороннему...

— Это ты, пожалуй, прав. Автору легче. Однако ничего легкого в литературном труде нет. Самый адский труд на земле... Впрочем, есть, а вернее, был в свое время, адский труд крестьян.

Отговарившись от повести, он весь ушел в воспоминания о житейские своих теток и дядьев. Как всегда, говорил медленно, осторожно подбирая слова для выражения мыслей... Говорил, говорил, вспоминал, вспоминал и вдруг:

— Валкое! Вот каким словом надо заменить... А ну, если поставить «валкое»? Читай!

Читаю: «И вдруг ревматический скрип старой ракиты и валкое мотание

камняшей под обрывом, и заунывные всхлипы воды вызывали у него удручающее чувство бездомности, и в нем снова зашевелилась неприязнь к своему попутчику».

— Вот! Теперь хорошо! Теперь все на месте. Давай дальше!

Мне и раньше была знакома работа Носова над словом, но такого я еще не видел, не наблюдал. Я был поражен настойчивой придирчивостью к самому себе. Можно себе представить, как он строг к другим, в особенности, молодым авторам, добывающимся того, чтобы он прочитал их рукописи. И он читает, не отказывается, и никогда, насколько мне известно, не покривил душой, давая оценку и выражая свое мнение о рукописи.

В одном из своих писем мне он писал: «На литературу не смотри со своей старооскольской вышки. С нее... не видно. Литература сейчас пошла очень высокого уровня по стилю, все сейчас грамотные, все причесаны на интеллигентный лад, и, чтобы с ними тягаться, надо не чирикать наскоком, а... не отрываться от стула. Вот только при такой усидчивости еще можно кое-что сделать. Хотя бы один рассказец в год».

Один «рассказец» в год!

Так пишет он сам. Так советует и другим. Открою сборник рассказов «Берега», изданный издательством «Современник» в 1971 году. Напомним, что первый сборник рассказов в Курске вышел в 1958 году. За двадцать три года адского труда за письменным столом Носов создал все те значительные рассказы, которые и вошли в сборник «Берега». Сколько же их? Пересчитаем на последней странице, по «содержанию»: ровно 22!

Он рос от сборника «На рыбацкой тропе» к сборнику «Тридцать зерен», от него к третьему — «Где просыпается солнце», а потом все выше и выше, как отважный и смелый подъем на Джомолунгму, к книге «Шумит овсянка луговая», удостоенной Государственной премии РСФСР имени М. Горького за 1975 год, а потом «У святские шлемоносцы» с ее теперь знаменитыми строками:

«...Раскидывая оборванные ромашки и головки клевера, мерин влетел на стан и, загнанно пыльная боками, осел на зад. Распахнутая его пасть была набита желтой пеной. Посыльный, пепельно-серый то ли от пыли, то

ли от усталости, шмякнув о землю пустую горбу, сорванно безголосого выдохнул:

— Война!»

Еще страницы плотно, живописно-емкого, до осязаемости объемного носовского письма с огромной смысловой нагрузкой.

Иногда удивляешься, поражаешься, что Носов ради «единого слова» отказывается от самых существенных командировок Всесоюзного бюро пропаганды художественной литературы.

— Ничего не поделаешь, — говорит он, — приходится сажать себя на цепь. Птица ведь тоже, высиживая птенцов, отказывает себе во многих благах летней поры ради главного...

Когда ему было 45 лет, он писал мне: «...я за свои 45 лет ни разу не был ни в Крыму, ни на Кавказе, куда иные ездят чуть ли не каждое лето, и строчат свои романы, как кролики, без стыда и совести!»

Но нет, он не был ошельником и никогда им не будет. Часто бывает так: заглянешь к нему в Курске на улицу Блинова — нет дома. На рыбалке, на Сейме! На рыбалке по дням, чуть ли не по неделям. Рыболовные снасти для него так же дороги, как книги на стеллажах и в шкафах. Недаром эти снасти находятся рядом со стеллажами, правда, в уголке, по рядом. В них такая же власть над хозяином, как и в книгах. Захотят и уведут Носова на целую неделю с ночевками, кострами на берегу реки, независимо от того, удачна или неудачна будет рыбалка. Уж чего-чего, а запахом трав можно надыхаться вволю, поблудить по лесочкам, полюбоваться восходами и заходами солнца...

Солнце! В рассказе «Моя Джомолунгма» есть такие строки: «Я сижу на пне, отнимаю у него солнце и немножко задержу рождение нового побега. Но я тоже соскучился по солнцу! Я посижу и уйду. А может быть, он примет меня своим побегом? Когда-то Иван мечтал привить себя на эти корни. Они сильные, глубоко уходят в землю. Пусть подняли бы меня своим побегом высоко-высоко над этими заборами. Я тоже хочу встречать солнце, входящее в день над чистым горизонтом».

Труден путь — все выше и выше! Труден потому, что, как говорит его друг Виктор Астафьев, «нет среди знакомых мне писателей никакого другого, кто бы работал так медленно и насадно». И дальше В. Астафьев пишет: «Мне довелось видеть рукописи его рассказов с авторский лист размером. Это рассказ, как яичный желток, был вдушен из рукописи в страничку полтора».

Да, перед таким трудом можно действительно склонить головы...

А. ВАСИЛЬЕВ.